

– Я отказываюсь от зеркал, – сказал
Король фейри. – Ради тебя и себя самого.
Если захочешь увидеть, кто ты, – загляни
на закате в следы прилива. Загляни в море.

«Ангарад», Эмрис Мирддин, 191 год от Н.¹

¹ От Наводнения. (Здесь и далее – прим. пер.)

1

Все началось как обычно: девушка на берегу, испуганная, но полная желания.

*«Ангарад», Эмрис Мирддин,
191 год от Н.*

Потрепанное объявление напоминало страницу, вырванную из зачитанной до дыр книги. Эффи решила, что ему намеренно придали такой вид. Оно было напечатано на плотном желтом пергаменте, как ее чертежные листы. Объявление упорно загибалось по краям – стесняясь или, может, пытаясь скрыть какой-то важный секрет.

Разгладив лист обеими руками, Эффи прищурилась, разглядывая завитушки текста. Он был написан от руки и смазан в нескольких местах. Оставшееся от воды пятно неясной формы, похожее на крупную родинку или нарост плесени, размывало и без того не слишком разборчивые слова.

Уважаемые студенты архитектурного колледжа!

Объявляем конкурс на лучший дизайн жилого дома для поместья ныне покойного ЭМРИСА МИРДДИНА, заслужен-

7

Ава Райз

ного писателя Ллифа. Поместье расположено неподалеку от его родного города Солтни, бухта Девяти Колоколов.

Требования к новому строению – ПОМЕСТЬЮ ХИРАЙТ¹:

1. Большой размер, чтобы вместить ныне живущих родных Мирддина, а также обширную коллекцию оставленных писателем книг, рукописей и писем.

2. Дизайн должен отражать характер Мирддина и соответствовать духу его многочисленных знаменитых трудов.

3. Проекты отправлять по почте на указанный ниже адрес не позднее середины осени. С победителем свяжутся в первый день зимы.

Три условия, совсем как в одной из сказок Мирддина. Эффи ощутила, как бешено забилося сердце. Она почти бессознательным жестом пригладила золотистые волосы, перехваченные сзади обычной черной лентой, и откинула выбившиеся пряди.

— Простите, — раздался чей-то голос.

Резко обернувшись, Эффи окинула взглядом дремлющий в солнечных лучах вестибюль колледжа. В паре шагов от нее с явно раздраженным видом покачивался взад-вперед на каблуках еще один студент-архитектор в коричневом твидовом пиджаке.

— Минутку, — попросила она. — Я еще не дочитала. Голос противно дрогнул.

Студент лишь фыркнул в ответ. Ощущая, как уско-
рятся пульс, Эффи снова повернулась к объявлению,

¹ Hiraeth – валлийское слово, которое можно примерно перевести как «тоска по дому, куда больше не сможешь вернуться» (прим. ред.).

Этюды багровых вод

однако больше читать было нечего. Внизу виднелся лишь адрес. Ни подписи, ни ободряющих пожеланий удачи.

Студент сзади начал нетерпеливо притопывать. Она принялась рыться в сумке и наконец отыскала явно брошенную впопыхах ручку — без колпачка, с толстым слоем пыли на кончике. Эффи попробовала на пальце, но чернильного следа не появилось.

Сердце сжалось в груди. Эффи попыталась еще раз — безрезультатно. Стоявший сзади парень переступил с ноги на ногу, старые деревянные половицы заскрипели под его весом, так что Эффи сунула ручку в рот и облизала, ощутив на языке металлический привкус чернил.

— Ради всех святых! — бросил студент.

Поспешно нацарапав адрес на тыльной стороне ладони, Эффи бросила ручку в сумку. Не дожидаясь дальнейших замечаний нетерпеливого студента, отошла от плаката на стене. Уже шагая по коридору, она услышала, как парень пробормотал под нос какое-то проклятие.

Щеки тут же опалило жаром. Добравшись до аудитории, Эффи опустила на свое обычное место, избегая взглядов рассаживающихся перед лекцией студентов. Опустив голову, она уставилась на расплывающиеся на руке чернила. Слова уже читались с трудом, как будто адрес был заклинанием с издевательски-коротким сроком действия.

Жестокая магия считалась обыденным делом для волшебного народа, населяющего книги Мирддина.



Ава Райг

Эффи читала их столько раз, что правила его мира накладывались на ее жизнь, как глянцевая калька на оригинальный чертеж.

Сосредоточившись на словах, Эффи постаралась сохранить их в памяти, пока надпись еще можно было разобрать. Может, если щуриться до тех пор, пока не заслезятся глаза, ей удастся забыть последнее невнятное замечание студента. Однако разум, похоже, сегодня жил своей жизнью — в голове появлялись все новые причины, по которым парень мог бы над ней насмехаться.

Во-первых, Эффи — единственная девушка среди студентов архитектурного колледжа. Даже если этот парень прежде не замечал ее в коридорах, то наверняка видел ее имя в объявлении с результатами экзаменов, а потом и в списке студентов в вестибюле колледжа. Всего три дня назад некий неизвестный зачеркнул ее фамилию — Сэйр — и написал нечто совсем непристойное.

Во-вторых, Эффи — единственная девушка среди студентов архитектурного колледжа, и за экзамены она получила больше баллов, чем этот тип. Ей хватило бы даже для поступления в литературный колледж, но туда не принимали женщин. Пришлось довольствоваться менее престижной и интересной, но более сложной архитектурой. Кажется, ее разум не создан для ровных линий и прямых углов.

В-третьих, он знал о мастере Корбенике. Теперь тот вспоминался лишь разрозненными картинками. Золотые наручные часы, уютно устроившиеся в зарослях темных густых волос на запястье. Столь взрослая черта потрясла ее, как пощечина. Мало кто из парней



Этюд багровых вод

в колледже — совсем еще мальчишек — мог похвастать такими густыми волосами на руках, а такие дорогие наручные часы и вовсе могли позволить себе лишь единицы.

Эффи крепко зажмурилась, надеясь прогнать назойливую картинку. Когда она снова открыла глаза, висевшая перед ней на стене классная доска показалась стеклянной, словно окно в ночь. Глядя на нее, легко было представить сотни размытых, нечетких образов.

Мастер Пэрри, преподаватель, начал обычное вступление — только на аргантийском языке. Это правило в университете приняли совсем недавно, полтора месяца назад, в начале ее первого семестра. Официально — из уважения к немногочисленным студентам-аргантийцам, но на самом деле это была упреждающая мера. Если Аргант победит в войне, то какое влияние их язык окажет на Ллир? Может, вместо изучения ллирийской поэзии детям придется выговаривать их гласные звуки и глаголы?

Возможно, неплохая мысль — дать студентам университета некое преимущество.

Но даже когда мастер Пэрри вновь перешел на ллирийский, мысли Эффи все еще крутились, словно собака, у которой никак не получается улечься поудобнее и уснуть. Мастер велел закончить к концу занятия два поперечных разреза. Для этих целей Эффи выбрала музей Спящих, самую популярную туристическую достопримечательность Каэр-Исея, где, по слухам, была сосредоточена магия Ллира. Внутри в стеклянных гробах спали семеро Сказителей, молчаливо оберегая страну от угроз. Поговаривали, что в самые мрачные



Ава Райз

для страны времена они проснутся вновь и встанут на защиту своей родины. Одни считали это провинциальным суеверием, другие — священной истиной.

С тех пор как там похоронили Мирддина — незадолго до начала осеннего семестра, — все билеты распродавались почти мгновенно, а очередь в музей растягивалась на целый квартал. Эффи трижды пыталась попасть внутрь, часами торчала на улице, чтобы, подойдя к билетной кассе, услышать, что билетов нет. Так что ей приходилось лишь представлять, как могли бы выглядеть дремлющие Сказители, и набрасывать черты их лиц. И, конечно, уделять особое внимание Мирддину. Даже после смерти он казался мудрым и добрым — каким полагалось быть, по ее мнению, отцу.

Голос Пэрри накатывал волнами и отступал, как вода во время отлива. Эффи открыла альбом на новой странице и написала: «ПОМЕСТЬЕ ХИРАЙТ».



После занятия Эффи пошла в библиотеку. Она справилась лишь с одним поперечным разрезом, и то не очень успешно. Проекция казалась неправильной, какой-то искривленной, словно музей был построен не в благоустроенном центре Каэр-Иселя, а на каменистом склоне холма. Окружавшие его университетские здания походили на раковину моллюска из бледного мрамора и желтого камня, выгоревшего на солнце.

Дома, в средней школе, Эффи и представить не могла, что будет с такой небрежностью относиться к пору-



Этюды багровых вод

ченной работе. Однако за полтора месяца, прошедших с начала семестра, многое изменилось. Любая страсть, надежда и даже мелкая жажда соперничества, с которыми она приехала в Каэр-Исель, быстро испарились. Время тянулось бесконечно, но его не хватало. Оно обтекало Эффи, будто затонувшую статую на дне моря, оно крутило и швыряло ее, как терпящую крушение.

Но теперь слова «Поместье Хирайт» засели в голове, подталкивая к некоей туманной, но все же цели. Впрочем, может, именно неопределенность и придавала ей особую ценность, ведь без досадных практических деталей было гораздо легче представить, что цель достижима.

От архитектурного колледжа до библиотеки было не больше пяти минут ходьбы, однако ветер с озера Бала хлестал по щекам и зарывался стылыми пальцами в волосы, отчего путь показался Эффи намного длиннее. Выдыхая холодный воздух, она торопливо толкнула двойные двери, юркнула внутрь и застыла, внезапно оказавшись в полной тишине.

В свой первый день в университете — еще до появления мастера Корбеника — Эффи зашла в библиотеку и влюбилась в нее. Она тайно приносила с собой стаканчик кофе и пробиралась в одну из заброшенных комнат на шестом этаже. Лифт кряхтел и стучал, как мелкие кости в коробке коллекционера, и, казалось, выдыхался, пока добирался до нужной площадки.

На шестом этаже хранились самые древние книги, затрагивающие самые малоизученные темы: тома по истории добычи селки в Ллире (удивительно прибыльный бизнес, который привел в конце концов



Ава Райз

к их полному вымиранию); большой справочник по аргангийским грибам, содержащий сноску длиной в несколько страниц о том, как отличить аргангийские трюфели от превосходящих их по качеству лирийских сортов; отчет об одной из многочисленных лирско-аргангийских войн, написанный от лица разумной винтовки.

За окном шел дождь, а Эффи забивалась в самый укромный уголок и читала эти древние книги. По большей части она искала истории о фейри: часами листала тома о ведьминых кругах под Оксвичем, а потом этнографию давно умершего мастера о представителях волшебного народа, с которыми он сталкивался в тех краях. Подобные рассказы многовековой давности в стенах университета считались суевериями южан и томились на полках с презрительной надписью: «Художественная литература».

Однако Эффи верила им. Верила всем — сухим научным статьям, суеверным южным преданиям и эпическим поэмам, предупреждавшим об уловках Короля фейри. Если бы ей позволили изучать литературу, Эффи написала бы собственные трактаты, полные огня, в поддержку этой веры. Запертая в стенах архитектурного колледжа, она ощущала себя будто с кляпом во рту.

И все же сейчас библиотека показалась Эффи пугающей. Раньше она находила утешение в одиночестве, теперь же видела огромное пустое пространство, где могло случиться нечто плохое. Не что-то конкретное, просто внутри поселился какой-то неясный страх. Тишина служила предвестником неизбежной катастрофы — все



Этюды багровых вод

равно как смотреть на стакан, который катится к краю стола, и понимать, что он непременно упадет и разобьется. Только Эффи не понимала, почему то, что прежде казалось знакомым, теперь стало чужим и враждебным.

Впрочем, сегодня она не собиралась задерживаться. Огромная мраморная лестница вела наверх, шаги будили легкое эхо. Украшенные деревянной резной лепниной сводчатые потолки вызывали чувство, что она попала внутрь изысканной старинной шкатулки для драгоценностей. В столбах золотистого света кружились пылинки.

Приблизившись к подковообразной стойке библиотекаря, Эффи коснулась ладонями лакированного дерева. Женщина за стойкой одарила ее равнодушным взглядом.

— Доброе утро, — сказала Эффи, улыбнувшись как можно шире.

«Утро» — это было громко сказано. На часах было пятнадцать минут третьего. Впрочем, она проснулась всего три часа назад — только успела одеться и добежать до аудитории.

— Что ищете? — невозмутимо спросила женщина.

— У вас есть книги об Эмрисе Мирддине?

Женщина неодобрительно нахмурилась:

— Выражайтесь конкретнее. Художественная литература, документальная, биография, теория...

— Документальная, — поспешно вставила Эффи. — Что-нибудь о его жизни и семье.

И надеясь расположить к себе библиотекаря, добавила:

